

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Доць Палаца

МОСКВА

2016

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

П29

Oliver Pötzsch

DIE HENKERSTOCHTER

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.

Published in 2008 by Ullstein Taschenbuch Verlag

Оформление серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Аникина

Пётч, Оливер.

П29 Дочь палача / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 480 с. – (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-89083-5

Якоб Куизль – грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

В апреле 1659 года жителей Шонгау охватил ужас. В канун весенних празднеств один за другим погибают дети-сироты. У каждого на плече таинственный знак, похожий на колдовскую отметину. Видит бог, во всем виновата местная знахарка – старая ведьма Марта Штехлин! Она подозрительно часто общалась с бедными детьми! Якоб Куизль по распоряжению городского совета каленым железом должен вырвать из ведьмы признание в совершении богопротивных деяний. Но палач слишком хорошо знает Марту... Он не верит в ее вину и начинает свое собственное расследование. Расследование, обреченное на трагический финал, если бы не помощь его дочери – красавицы Магдалены...

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н.,
перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89083-5

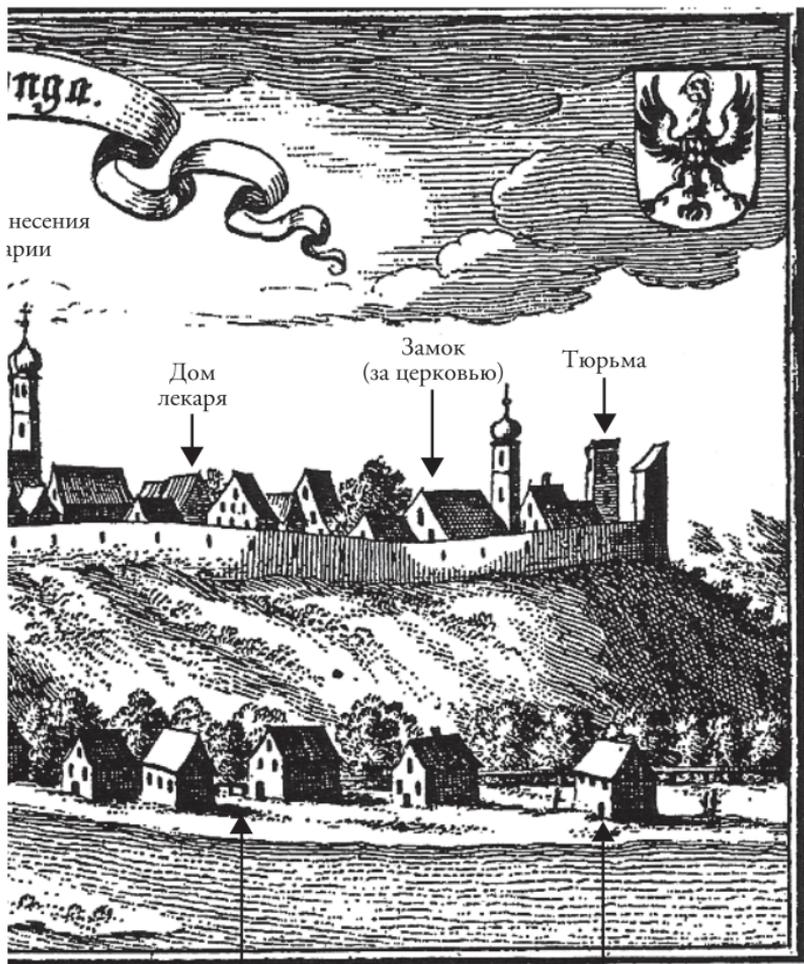
Памяти Фритца Куизля

*Посвящается Никласу и Лили,
продолжателям династии*

Панорама города Шонгау

Пристани
и хранилище

Чеканка на меди, Антон Вильгельм Эргль, 1690

Кожевенная улица

Дом палача

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Якоб Куизль – палач Шонгау
Симон Фронвизер – сын городского лекаря
Магдалена Куизль – дочь палача
Анна Мария Куизль – жена палача
Георг и Барбара Куизль (близнецы) – младшие дети палача
Бонифаций Фронвизер – городской лекарь
Марта Штехлин – знахарка
Йозеф Гриммер – извозчик
Георг Ригг – извозчик
Конрад Вебер – городской священник
Катарина Даубенбергер – знахарка из Пайтинга
Резль – служанка в трактире «У золотой звезды»
Мартин Хойбер – бригадир из Аугсбурга
Франц Штрассер – трактирщик из Альтенштадта
Клемент Кратц – лоточник
Агата Кратц – его жена
Мария Шреефогль – жена городского советника
Граф Вольф Дитрих фон Зандицелль – княжеский управляющий

Городской совет

Иоганн Лехнер – судебный секретарь
Карл Земер – первый бургомистр и хозяин трактира «У золотой звезды»
Маттиас Августин – член малого совета
Маттиас Хольцхофер – бургомистр
Йохан Пюхнер – бургомистр
Вильгельм Харденберг – содержатель больницы Святого Духа
Якоб Шреефогль – гончар и свидетель допроса
Михаэль Бертольд – пекарь и свидетель допроса
Георг Августин – управляющий извозчиками и свидетель допроса

Дети

София Данглер – сирота, на попечении у ткача Андреаса Данглера
Антон Кратц – сирота, на попечении у лоточника Клемента Кратца
Клара Шреефогль – сирота, на попечении городского советника Якоба Шреефогля
Йоханнес Штрассер – сирота, на попечении у трактирщика Франца Штрассера
Петер Гриммер – сын Йозефа Гриммера, наполовину сирота

Ландскнехты

Кристиан Брауншвайгер
Андрэ Пиркхофер
Ганс Хоэнляйтнер
Кристоф Хольцапфель

ПРОЛОГ

*Шонгау, 12 октября 1624 года
от Рождества Христова*

Двенадцатого октября день словно был создан для казни. Всю неделю лил дождь, а в пятницу, к празднику освящения церкви, Господь все же смилостивился. Хоть осень и вступила в свои права, яркие солнечные лучи грели крыши домов и над городом разносился шум. Повсюду раздавался смех, гремели барабаны, звенели колокольчики, а кое-где надрывалась и скрипка. Аромат хрустящих булочек и жареного мяса чуяли даже внизу, среди зловония Кожевенной улицы. Да, казнь обещала быть замечательной.

Якоб Куизль стоял в залитой светом комнате и пытался растолкать своего отца. Уже дважды за ними заходил стражник, и теперь от него не отделаешься. Палач Шонгау уронил голову на стол, и длинные непослушные волосы слиплись в луже настойки и пива. Он храпел и временами вздрагивал во сне.

Якоб склонился над ухом отца. От последнего несло спиртом и потом — холодным потом. От отца всегда так пахло перед казнью. Он вообще-то не был пьяницей, но когда оглашали приговор, сразу начинал беспробудно пить. Он почти не ел, кое-как ворочал

языком и по ночам вскакивал с криком и в испарине. А последние два дня вообще не стоило попадаться ему на глаза. Жена, Катарина, знала об этом, поэтому постоянно забирала детей и уходила к свояченице. Оставался только Якоб. Он все-таки был старшим сыном и помощником отца.

— Надо ехать! Стражник ждет!

Сначала Якоб говорил шепотом, потом громче, а эти слова уже проревел. Наконец хряпящий гигант пошевелился.

Иоганн Куизль поднял на сына налитые кровью глаза. Кожа его цветом напоминала дрожжевое тесто, а в черной спутанной бороде застряли остатки вчерашней похлебки. Он провел по лицу длинными крючковатыми пальцами и выпрямился во весь свой саженный рост. Какое-то время могучее тело раскачивалось, и казалось, что палач сейчас рухнет вперед. Но Иоганн Куизль выровнялся и расправил плечи.

Якоб протянул отцу запачканный фартук, кожаный плащ и перчатки. Гигант медленно оделся, убрал волосы со лба и, не произнося ни слова, направился к дальней стене комнаты. Там, между обеденной лавкой и красным углом с распятием и засушенными розами, висел меч правосудия. В длину он достигал двух аршин, был без острия и с короткой гардой. А клинок был такой острый, что мог в воздухе рассечь человеческий волос. Отец непрестанно точил его. На солнце меч блестел так, как будто его выковали только вчера. Но сколько ему лет, не знал никто. До Иоганна Куизля меч принадлежал его тестю, Йоргу Абрилю. А еще раньше — его отцу и деду. Однажды он достанется Якобу.

Возле двери ждал стражник, мелкий и тощий. Он то и дело оборачивался на городские стены. Они опаздывали, и господа, должно быть, уже потеряли всякое терпение.

— Готовь повозку, Якоб.

Голос отца звучал спокойно и низко. Будто это вовсе не он вопил и рыдал сегодняшней ночью.

Когда Иоганн Куизль протиснул огромное туловище в дверь, стражник невольно отступил в сторону и перекрестился. Палачам здесь были не особенно рады. Не зря его дом находился за городскими стенами на Кожевенной улице. Если он заказывал вино в трактире, то садился за свой отдельный стол. Прохожие на улице старались не встречаться с ним глазами — считалось, что это к несчастью, особенно в день казни. Даже перчатки, которые он сегодня надел, полагалось потом сжечь.

Палач уселся на скамейку возле дома и подставил лицо полуденному солнцу. Тот, кто увидел его вот так, ни за что не поверил бы, что еще час назад он сам с собой бредил в горячке. Иоганн Куизль слыл хорошим палачом — сильным, стремительным, без тени сомнения. Никто за пределами семьи не ведал, сколько спиртного он вливал в себя перед казнью. Сейчас Куизль-старший прикрыл глаза, словно прислушивался к какой-то отдаленной мелодии. Из города до сих пор доносился шум. Играла музыка, раздавался смех, где-то рядом распевал дрозд. Меч покоился у скамейки, как трость.

— Вережки не забудь! — крикнул палач сыну, не открывая глаз.

В сарае, пристроенном к дому, Якоб запряг дряхлую лошадь. Накануне он несколько часов отчищал

двухколесную телегу. Но, как теперь понял, бесполезно — грязь и кровь въелись глубоко в дерево. Якоб прикрыл соломой самые скверные места, и теперь телега была готова к большому событию.

В свои двенадцать лет сын палача увидел уже несколько казней в непосредственной близости: два раза вешали, а однажды утопили воровку, трижды пойманную. Ему было шесть лет, когда впервые на его глазах повесили уличного грабителя. Якоб хорошо помнил, как тот четверть часа плясал в петле; толпа ликовала. В тот вечер отец принес домой особенно большой кусок баранины. После казней дела у семьи Куизль всегда налаживались.

Якоб достал несколько веревок из сундука у стены сарая и положил в мешок, в котором уже лежали цепи, ржавые клещи и льняные тряпки, чтобы вытирать кровь. Все это мальчишка бросил в телегу и вывел запряженную клячу из сарая. Отец забрался в повозку и уселся на дне, скрестив ноги. Меч теперь покоился на его необъятных ляжках. Стражник торопливо зашагал вперед. Он рад был скорее оказаться подальше от палача.

— Трогай! — прокричал Иоганн Куизль.

Якоб взялся за вожжи, и повозка со скрипом тронулась.

Пока лошадь медленно тащила телегу к верхнему городу, Якоб беспрестанно оглядывался на отца. Сын всегда уважал семейное дело. Даже когда люди говорили, что занятие это позорно, Якоб не видел в нем ничего постыдного. Если уж кто и позорился, так это раскрашенные шлюхи и шуты. А у отца была хоть и тяжелая, но порядочная работа, которая требо-

вала немалого умения. Якоб обучался у него нелегкому ремеслу убийства.

Если повезет и позволит курфюрст, то через несколько лет Якоб сдаст экзамен, чтобы самому стать палачом. Нужно будет отрубить голову — как полагаются и без единой оплошности. Якоб еще ни разу не видел, как рубят головы. Тем более важно было ничего не пропустить сегодня.

Повозка между тем въехала по узкой и крутой улице в город и добралась до рыночной площади. Пространство перед домами сплошь заставили лотками и палатками. Покрытые грязью торговки продавали каленые орехи и ароматные хлебцы. Один угол заняла группа артистов, они жонглировали шарами и пели песенки, высмеивая детоубийцу. Хотя следующая ярмарка и ожидалась только в конце октября, о предстоящей казни судачили во всех ближайших деревнях. Люди болтали, ели и покупали лакомства, чтобы потом, словно гвоздем представления, насладиться кровавым зрелищем.

Якоб с высоты сиденья рассматривал людей, которые уставились на повозку, кто со смехом, а кто с изумлением. Таких было немного, большинство жителей уже спешили к лобному месту за городскими стенами. Казнь ожидалась сразу после обедни, то есть в запасе оставалось не более получаса.

Когда повозка с палачом выкатилась на мощеную площадь, музыка смолкла. Кто-то прокричал:

— Эй, палач! Заточил свой меч? Может, женишься на ней?

Народ развлекался. В Шонгау бытовал один обычай: палач мог пощадить преступницу, если брал ее в жены. Однако у Иоганна Куизля уже имелась

жена. И нельзя сказать, что Катарина Куизль была женщиной кроткой. Ее, дочь грозного палача Йорга Абриля, звали иногда Дочерью Крови или Женой Дьявола.

Повозка проехала по рыночной площади мимо амбара и направилась к городской стене, где возвышалась трехэтажная башня. Снаружи ее покрывала сажа, а окошки были узкими, как бойницы, да еще с решетками. Палач соскочил с повозки и вскинул меч на плечо. Затем отец и сын направились через каменную арку в прохладу тюрьмы. Узкие искрошенные ступеньки вели вниз, в темницу. Там, по правую и левую руку, располагались две массивные обитые железом двери, в них на уровне глаз были проделаны крохотные окошечки. В одном из них справа слышались чуть не детские рыдания и шепот священника. Якоб уловил обрывки латинских фраз.

Стражник отворил дверь, и в нос тут же ударила вонь. Несло потом, мочой и фекалиями. Сын палача невольно задержал дыхание.

Женщина в камере прекратила всхлипывать и принялась жалобно выть. Детоубийца поняла, что пришел ее конец. Священник тоже начал причитать еще громче. Всё вместе, крики и молитвы, сливалось в единый дьявольский гомон.

— *Господь ведет меня, и ни в чем я не буду нуждаться...*

Остальные стражники принялись выволакивать скорченную женщину наружу.

Элизабет Клеменция была некогда красивой женщиной со светлыми волосами до плеч, смеющимися глазами и тонкими губами. С ее лица, казалось, никогда не сходила легкая усмешка. Якоб не раз видел ее среди других служанок, когда они полоскали бе-